

Юрий Константинович
Юдин

Раздражитель рынка

Депозитарий, выращенный своими руками

Моя специальность по диплому — физик. Трудовая деятельность началась во Владивостоке в Институте биологии моря АН СССР в Лаборатории молекулярной биофизики под руководством замечательного человека, воспитанника Ленинградской научной школы, доктора биологических наук Николая Семеновича Шелудько.

Направление исследований института и лаборатории были далеки от чистой физики, так что пришлось изучать биохимию, сдавать кандидатский экзамен по общей и морской биологии. К этому добавилась еще одна проблема — немецкий язык, оказавшийся абсолютно ненужным в научной работе, и незнание английского, просто необходимого. Осилил английский, сдал экзамен, и почувствовал себя свободным в мире научной информации. И все это в сжатые сроки, параллельно с участием в обязательных в то время сельхозработах и стройках (в то время это было нормально, считалось, что наука должна двигать страну к коммунизму не только на своих фронтах). Отчитываться о проделанной работе приходилось научными публикациями, две-три в год — обязательно. Тогда мне казалось, что это глобальное перепрофилирование последнее в моей жизни.

Работа проходила на биостанции (приблизительно в 180 километрах от Владивостока), где располагалась экспериментально-техническая база лаборатории, в непосредственной близости от «большой воды», в новом здании института, построенном на 50–60% руками его сотрудников. Обычно 1–2 раза в год выезжали в длительные командировки (как правило, на месяц) для совместной работы с коллегами из Ленинграда, Москвы, Пущина, для участия в конференциях и семинарах в разных городах страны. А вот с мая по сентябрь принимали гостей из центра. Владивосток тогда был еще закрытым городом, и поэтому главными «иностранцами», приезжающими к нам, были москвичи и ленинградцы. Работая на зарубежном оборудовании, мы с большим трудом пробивали разрешения даже на краткие посещения наладчиков техники из-за рубежа.

В 1986 году пришлось заняться и внешнеэкономической деятельностью, в результате мы стали обладателями полностью автономной лаборатории «со стеклопакетами» и двумя компьютерами «Olivetti-28» (и то,

и другое большая редкость за Уралом в 1987 году). Собственно, это была больше заслуга шефа. В направлениях, которыми занималась лаборатория, — молекулярной биофизике и цитологии, без хорошего материально-технического обеспечения делать нечего.

Казалось, что это уже будет длиться до пенсии. Казалось ... до 1991 года.

Ю. К. Юдин

1993–1996

Генеральный директор
Приморского центрального
депозитария (ПЦД)

1996 — наст. время

Исполнительный директор
Депозитарно-расчетного
союза (ДРС)

В начале 90-х наука была уже никому не нужна: минимальное финансирование исследований, мизерные зарплаты и пр. Наши коллеги из центра группами и поодиночке уезжали на заработки за границу. Те, кому повезло.

В 1991–92 году, устав от этой суеты, безденежья и постоянного отсутствия дома, мы (с группой однокашников) создали коммерческую компанию. У моих коллег был опыт автоматизации предприятий рыбной промышленности. А я, как физик, этой темой тоже всегда интересовался. Дело оказалось перспективным и интересным.

И вновь пришлось заниматься самообразованием — изучать юридическую литературу, писать уставы и составлять договора, вникать в суть «актива» и «пассива», информационных технологий и телекоммуникаций. Кроме банального обеспечения граждан и организаций появившимися тогда персоналками, которые возили на продажу все кому не лень, мы занимались и серьезным делом — автоматизацией крупных предприятий и банков, телекоммуникациями. У нас даже было совместное предприятие с «Совам Телепорт» («Sovam Teleport»), одним из первых советско-американских совместных предприятий. Мы сотрудничали с Дальневосточным отделением ТАСС, имевшим мощные каналы связи, занимались программированием.

В 1992 году начался бум создания бирж. Не прошло это увлечение и мимо Дальнего Востока. Только товарных у нас было шесть. Грех было не поработать на их оснащении. Так мы предложили информационно закольцевать все торги на них в нечто единое на базе нашего дочернего предприятия. Сделали большую подготовительную работу, но воспользоваться ею предпринимателям так и не удалось. Разваливаться биржи стали так же быстро, как создавались.

Надежда оставалась лишь на Владивостокскую международную фондовую биржу (ВМФБ), никак не хотевшую не то что разоряться, а успешно развивавшуюся, и даже создавшую совместную телекоммуникационную компанию с междугородным узлом связи для обеспечения торгов в удаленном режиме. Для нас, уже повидавших «приземленных» товарных бирж, это было очень удивительно.

В начале 1993 года мы с товарищем поехали на переговоры к президенту биржи. Впрочем, я тогда играл скорее роль сопровождающего шофера.

Однако, приехав на место, выяснили, что президентом биржи является Виктор Борисович Сахаров, мой коллега по Институту биологии моря. Реакция его на мой приход была неожиданной: он человек эмоциональный, обхватил меня и заявил, что я ему как раз очень нужен. «Мы создаем депозитарий, — сказал Виктор, — давай ты будешь директором!» Надо сказать к фондовому рынку меня всегда тянуло. В то время, эпоху ваучера, сложно было стоять в стороне от фондового рынка, и я предлагал коллегам вложить часть средств в ценные бумаги. Меня, правда, не поддержали.

От Виктора Борисовича я отшутился и о разговоре забыл, но мой приятель был настолько заинтересован во внедрении меня на биржу, точнее в сотрудничестве с их телекоммуникационной компанией, что начал действовать. Я его понимаю, то, что собирался реализовать Сахаров, в отношении организации биржевых торгов, было чрезвычайно интересно любому специалисту в области информационных технологий и телекоммуникаций. В результате однажды он обрадовал меня известием, что я выбран директором Приморского центрального депозитария (ПЦД)! При этом оказалось, что он уже дал за меня согласие.

Вновь пришлось привыкать к незнакомым терминам, вникать в суть дела. А через месяц (в мае 1993 года) начался проект с американцами. По хранению, безналичному учету и расчетам ваучерами на аукционах, организуемых фондами имущества в разных регионах страны. Головной организацией по проекту был «Кассовый союз», однако мы с ними практически не общались, т. к. конкретное внедрение проекта «на местах» осуществлялось группой зарубежных консультантов. Пришли документы, в них надо было разбираться. Работа оказалась близкой к научной. Тогда и началась настоящая депозитарная деятельность. Ваучеры мы принимали на хранение, выдавали выписки. Благодаря этому владелец партии приватизационных чеков мог участвовать в аукционах, не возя все бумаги с собой.

Следует отметить, что Приморье уникально благодаря своему положению (восточные ворота России), инфраструктуре (в первую очередь порты) и богатствам ресурсов (рыба, лес и т. д.). Не случайно от нас практически не вывозили ваучеры, они все использовались в местных аукционах. Наоборот, инвесторы везли их к нам из других регионов. Поэтому нам много приходилось обслуживать москвичей, приехавших на аукционы, открывая им счета.

Особенность нашего депозитария была в том, что он сразу заработал как настоящий депозитарий. В современном понимании этого слова. Не как регистратор, не как трансфер-агент. Мы занимались своим делом, открывая, в частности, счета чековым инвестиционным фондам, осуществляя физическое хранение ваучеров и безналичные расчеты по результатам аукционов. Параллельно шла подготовка к обслуживанию расчетов на бирже — разработка концепции и программных технологий, документооборота и пр.

Важным фактором нашего развития стала возможность, благодаря американскому проекту, получать самую современную зарубежную литературу по депозитарному делу и документы, регулирующие депозитарную деятельность за рубежом.

Начали мы тогда контактировать и с коллегами из РИНАКО, создавшими депозитарий в городе Находка. К нам приезжали Виктор Агроскин и Анатолий Левенчук и предлагали воспользоваться их технологиями. Предлагать им было что: автоматизировав процесс, им удалось быстро и успешно наладить учет и расчеты по безналичным акциям приватизируемых предприятий Находки.

Но мы к тому времени исповедовали другую концепцию системы. В РИНАКО все строилось на объединении кусков реестра, которые вели счета владельцев. Общего же реестра не было. Мы вначале тоже сделали похожую программу и даже начали ее осваивать, но нам не удалось ее приспособить к работе Владивостокской фондовой биржи. Пришлось менять принципы. Так мы стали использовать принцип «номинального держателя», хотя формально, юридически этот термин появился в России позже. Мы здравым смыслом пришли к выводу, что если на бирже происходят торги, есть реестр и расчетный депозитарий, то должен быть номинальный держатель — централизованный учет акций брокеров и их клиентов. Альтернативой могла быть только очень хорошая, онлайновая связь с регистраторами, что при той технической базе было невозможно. Эмитентов были тысячи, каждый из них в своей амбарной книге что-то записывал. Специализированные регистраторы, использующие современные компьютерные технологии, только набирали силы. Так что ближе к концу 1993 года был написан документооборот и программно реализована концепция расчетов по результатам сделок на бирже и внебиржевым сделкам, основанная на централизованном хранении/учете ценных бумаг в депозитарии. Более того, было разработано программное обеспечение и документооборот для брокеров (предполагалось, что они являются депозитариями для своих клиентов) и для регистраторов. И весь этот комплекс взаимодействовал на базе электронных документов и принципе прямой обработки встречных поручений.

Должен сказать, что работать было очень интересно и легко. ВМФБ и ПЦД были единым организмом. Учредители ПЦД и ВМФБ (инвестиционные компании и банки) сильно пересекались и преследовали одни цели — развитие биржевых торгов и системы расчетов, а команда, реализующая проект и формально работавшая в разных организациях, была единой. Такая постановка работы, конечно, была заслугой Виктора Сахарова — Президента ВМФБ и Председателя совета директоров ПЦД.

Осталось самое сложное, при полной поддержке инвестиционных компаний и банков, собственно владельцев ценных бумаг, пробиться в реестры акционеров в качестве номинального держателя.

Помог нам замечательный Указ Президента № 1769 «О мерах по обеспечению прав акционеров» от 27 октября 1993 года, регулирующий поря-

док ведения реестра акционеров, в котором был упомянут нужный нам термин — номинальный держатель. После этого уговаривать эмитентов, которые в то время в большинстве случаев самостоятельно вели реестры акционеров, и регистраторов открыть нам счет номини и переводить на него акции наших клиентов стало легче. Думаю, это была заслуга Руслана Геннадьевича Орехова и команды Дмитрия Валерьевича Васильева. Мне кажется, что это был серьезный шаг команды Чубайса. При полном отсутствии законодательной базы, регулирующей деятельность на стремительно зарождающемся в результате приватизации рынке ценных бумаг страны, через указы президента вводились термины, позволяющие организованному рынку развиваться по общепринятым законам.

Так мы пришли к централизации хранения, пробиванию счетов реестра. Мы также добились того, что на Владивостокской фондовой бирже, да и в нашей депозитарии было, пожалуй, лучшее программное обеспечение в стране. Не случайно мы уже в 1993 году использовали стандарт сообщения ISO, что было для многих тогда еще фетишем. Мы первыми в России стали работать и с НКО (Небанковские кредитные организации). В 1994-м их было в стране три или четыре, одна была во Владивостоке, и мы к ней подключились. В виде эксперимента банки, имея в них корсчета, минуя Центральный банк, могли рассчитываться через эту кредитную организацию. Большинство приморских банков, конечно, пользовались ее услугами, а мы благодаря этому смогли первыми в середине 1995 года внедрить на бирже систему «поставки против платежа».

Собственно, это были функции, которые сейчас и называются клирингом. Брокер отправлял платежку в НКО, мы ожидали электронного поручения. Продавец давал поручение о переводе бумаг на счет покупателя, соответственно, покупатель передавал через эту систему платежку. Мы документы стыковали и давали команду НКО произвести платеж, а сами переводили бумаги.

Это было настолько необычно для того времени, что Алексей Телятников в 1995 году предлагал нам организовать для РТС расчеты по дальневосточным предприятиям. Он, когда мы вступили в российско-американский проект создания депозитарно-клиринговых организаций, курировал нас по технической линии, а, став техническим директором РТС, был очень заинтересован в нашем участии в организации расчетов для РТС. Странно, но он не нашел поддержки у руководства РТС и, как я понимаю, у московских брокеров.

Следовало сказать, что тогда были очень ограниченные возможности для развития. Законодательной базы практически не было. Небольшую инструкцию, но очень полезную, в 1992 году написал Андрей Андреевич Козлов, она описывала только бумажный документооборот в депозитарном отделе банка. Материалов методических тоже почти не было. Большую помощь оказала замечательная, но очень старая книга — начала прошлого века «Банки и банковское дело», по-моему, Бухвальда. Это потом к нам пошли подробные современные зарубежные материалы. Мы

познакомились с различными вариациями зарубежных депозитарных систем: американской с номинальным держателем, английской «КРЕСТ» со счетами, находящимися в реестрах и австралийской «Чесс», которая представляла собой симбиоз двух первых. Только потом (1994–1996) мы проходили стажировки в Японии и Австралии.

Безусловно, очень помогло нам решение Госимущества, возглавляемое еще Чубайсом, разрешающее в Приморском крае проводить нечековые аукционы в виде биржевых торгов. Сахарову удалось доказать, что торги на нашей бирже абсолютно анонимны. ПЦД открыл счет депо Фонду имущества края, на который Фонд перед аукционом переводил государственные пакеты акций. Наш депозитарий по итогам торгов и результатам денежных расчетов поставлял бумаги покупателям. Это была уникальная для страны ситуация!

По этим причинам развивались мы быстро и очень удивлялись заявлениям наших коллег, с гордостью объявлявших в 1997 году, что в их депозитарий открыл 100–150 счетов в реестрах эмитентов. У нас еще в начале 1995 года их было 360!

Кстати, заметьте по качеству организации аукционов, проходящих у нас, претензий не было никаких! И эти уникальные итоги были достигнуты за счет анонимной организации торгов. Брокеры у нас действительно бились за пакеты акций. Причем аукцион был обратный, то есть сразу цена устанавливалась высокой и понижалась до первого предложения.

К 1995 году на Владивостокской бирже было представлено около 150 брокерских компаний. Тогда же брокеры стали работать с удаленных терминалов. Причем программное обеспечение позволяло это делать из любой точки России. В 1995 году наш брокер, находившийся в Нью-Йорке на NASDAQe, демонстрировал как можно купить акции на нашей бирже. Работали же постоянно участники торгов из 10 или 15 регионов, включая Москву, Новосибирск, Екатеринбург.

Так что Владивостокская биржа была отнюдь не местечковой!

Нас активно изучали. Приезжало очень много специалистов из других регионов. Например, президент Сибирской межбанковской валютной биржи Николай Анохин прислал к нам своих людей, и они провели у нас много времени, перенимая опыт. Технологически они быстро продвигались, и не зря в Новосибирске появилась и одна из первых систем поддержки интернет-трейдинга — QUIK.

Заграница нам поможет

Наши успехи оказались замеченными. Когда в Россию пришли деньги USIAD на техническую помощь по проекту создания депозитарно-клиринговых организаций, в Комиссии по ценным бумагам нас выбрали одним из объектов вложения. Вместе с Москвой, Санкт-Петербургом, Екатеринбургом и Новосибирском. Хотя основные деньги, конечно, пошли на создание Депозитарно-клиринговой компании. Но и мы получили достаточно, так как нам создавать заново ничего не пришлось, все уже ра-

ботало. Мы воспользовались помощью, чтобы перевести нашу систему на новую технологическую базу. До этого наши программы, торговые и депозитарные, были написаны на популярном тогда «Сlipper», поэтому основные средства ушли на расширение группы программистов. До 15 человек. Конечно, это тоже очень большая работа.

У нас работало два американских консультанта. Один из них очень опытный депозитарщик и биржевик Стенли Шел, руководивший отделом расчетов на Тихоокеанской бирже, и еще одна девушка. Также периодически наезжали временные консультанты. Например, когда мы начинали тестирование, приезжал специалист по тестированию. Он не знал системы расчетов, но знал, как проводить тестирование, чему он нас и учил. В результате они даже документ подготовили «Как построить Приморский депозитарий». Начинался он с того, что мы должны правильно спланировать помещение. Для этого надо нарисовать комнаты в определенном масштабе, вырезать из бумаги проекции мебели и разместить их на плане... В документе также описывались правила перемещения посторонних лиц по депозитарию: посетителя встречают два охранника и сопровождают его — один спереди, другой сзади... Кроме этих очень хороших рекомендаций, у нас все уже было.

В Москве же, как нам кажется, многое пришлось создавать с нуля. Крупнейшие брокерские компании и ряд нерезидентов создавали ДКК. Для них в «Diasoft» заказали программное обеспечение. И если у нас к тому времени все было обкатано, то московским коллегам пришлось столкнуться с массой проблем.

Сумели мы к своей системе подключить и краевой Сбербанк, что, сами понимаете, сделать было нелегко. Разрешение требовалось получить в Москве. В результате пришло письмо из Москвы, в котором система характеризовалась как очень интересная и нашему региональному отделению рекомендовалось в нее включиться. Через год в депозитарную систему ПЦД вошел Сахалинский сбербанк.

Для надежного хранения денежных средств клиентов мы попытались открыть счет в РКЦ ЦБ. Коммерческие-то банки были чрезвычайно ненадежны. Мы вышли на начальника краевого управления ЦБ РФ Рудько-Селиванова, но длительные согласования с Центробанком не дали результата (несмотря на наличие Указа Президента, разрешающего открывать депозитариям такие счета, номера которого я не помню). Мы продолжали с большим риском держать средства клиентов в коммерческих банках.

Вот это уже был результат успешного развития. Нашлись люди, которым это не нравилось, не нравился успех проекта поддерживаемого ФКЦБ. Мы встречались с Андреем Андреевичем Козловым, предлагали поддержать и использовать наш опыт для развития депозитарной деятельности в банках, нам казалось, что государственное ведомство должно поддержать проект, уже одобренный регулятором, поддержать программные технологии и документооборот, ориентированный в большой степени на банки.

Ю. К. Юдин

Недавно у депозитария РИНАКО на дальневосточном рынке появился серьезный конкурент — межрегиональная система депозитариев Кассового союза, расходы по внедрению которой на территории России взяло на себя американское правительство. В качестве коммуникационной сети для создаваемой системы будет использоваться американская электронная сеть SPRINT-NET. И работа в этой сети, в отличие от сети РЕЛКОМ, производится в режиме реального времени.

В Приморском крае столкнулись две альтернативные технологии — РИНАКО и Кассового союза//
Московские новости (Москва). 06.06.1993

В феврале Приморский центральный депозитарий (ПЦД) начал принимать на хранение в электронном виде акции эмитентов из регионов Восточной Сибири. Как сообщил начальник ПЦД Юрий Юдин, подписаны договоры с реестродержателями акционерных обществ «Иркутскэнерго» и «Усольехимпром». Г-н Юдин пояснил, что новый владелец получит акции в трехдневный срок после получения реестродержателем документов об их перерегистрации.

Кроме того, ПЦД начал прием заявок на депонирование акций акционерных обществ «Иркутскавиа», «Электросвязь Иркутской области», «Ангарскнефтехим», «Восточно-Сибирское речное пароходство», «Байкалвиа».

Приморский депозитарий теперь обслуживает сибирских эмитентов//
Коммерсантъ-Daily (Москва). 09.02.1996

Приморский центральный депозитарий получил лицензию ФКЦБ на право ведения депозитарной деятельности. ПЦД, существующий уже более двух лет, располагает разветвленной сетью субдепозитариев и трансферагентств — на территории России их более сорока. В администрации ПЦД заявили, что применяемая компанией технология в настоящее время используется созданным при поддержке ФКЦБ Расчетно-депозитарным союзом.

В Приморье появился первый лицензированный депозитарий//
Коммерсантъ-Daily (Москва). 18.12.1996

Организуя проект, наши зарубежные консультанты больше думали об организации клиринговых компаний. В первых рекомендациях депозитарий вообще отсутствовал. И специалисты-консультанты приехали соответствующие. В их рекомендациях указывалось, что брокеры заключая сделку, приносят в CSO документы, там они вводят в компьютер, и если все параметры сделки сходятся, брокерам говорят: «У вас есть сделка, ребята! Можете рассчитывать!» И те, счастливые, должны уxo-

дять рассчитывать. Как-то забывалось о том, что при этом надо контролировать движение денег и бумаг!

То есть предлагалось заманивать брокеров только тем, чтобы они могли организовать сверку параметров сделки.

Собственно, на нас это не повлияло, скорее то, что было реализовано во Владивостоке, повлияло на развитие проекта в целом, и в 1995 году в документах консультантов появилось слово «депозитарий».

После окончания проекта в 1996 году картина была следующая: в России реальной депозитарной деятельностью занимался Приморский центральный депозитарий, имеющий 350–400 эмитентов на хранении, базирующийся на Владивостокской бирже со 150–200 брокерами и удаленными терминалами по всей стране. Неплохо работали в Санкт-Петербурге, но только с облигациями, меньше в Екатеринбурге и Новосибирске. ДКК тогда не работала как депозитарий. Максимум, что удалось сделать Юлии Загатчин, — это создать систему перерегистрации для московских брокеров. Но ведь на организацию депозитарно-клиринговой деятельности в ДКК было потрачено значительно больше, чем в других местах проекта. Собственно, Юля сделала максимум возможного для спасения проекта ДКК — используя перерегистрацию как услугу, она вывела его на окупаемость в условиях отсутствия поддержки крупнейших московских брокеров и нерезидентов-учредителей компании. РТС также была результатом проекта, однако никакого взаимодействия с ДКК у нее не было. И в итоге никто не пользовался ДКК как депозитарием.

А вот ММВБ и ОНЭКСИМ Банк быстро продвигались вперед на московском рынке биржевых расчетов в рублях. (Прошу меня понять, я говорю только о депозитариях, осуществляющих расчеты по биржевым торгам, о тех, кого в настоящий момент называют Расчетными, хотя на тот момент уже очень профессионально работали и другие депозитарии, например «НИКойла», Газпромбанка, уже упомянутые структуры РИНА-КО в Находке и Ростове и многие другие).

В 1995 году во Владивостоке была проведена общероссийская конференция. Причем много брокеров приехало к нам тогда «самотеком», услышав, что на нашей бирже делается что-то невообразимое. Принимали мы постоянно коллег и вне рамок конференций — никому не отказывали в консультациях. Большую поддержку проекту оказали сибиряки — «Сибирский холдинг» во главе с Николаем Ивановичем Бедаревым.

Во Владивостоке завершился семинар «Депозитарные и торговые технологии фондового рынка», организованный Владивостокской международной фондовой биржей с участием 15 крупных инвестиционных фондов Сибири и Якутии. Участники семинара подписали ряд соглашений, реализация которых должна привести к слиянию локальных фондовых рынков Сибири и Дальнего Востока. Кроме того, Приморский центральный депозитарий (ПЦД) и «Сибирский холдинг» подписали соглашение о создании в Сибири депозитарной системы, структурно входящей

в ПЦД. На базе технологии ПЦД планируется создать взаимный Нефтяной фонд, в который члены «Сибирского холдинга» передадут все имеющиеся у них акции российских нефтяных компаний. Взамен внесенных акций, которые будут оцениваться по рыночному курсу, участники получают их эквивалент в акциях Нефтяного фонда — его уставный капитал составит 1 млн долларов.

В Сибири будет создана депозитарная система//
Коммерсантъ-Daily (Москва). 17.03.1995

Газпром

В связи с тем, что мы имели очень тесные взаимоотношения с Федеральной Комиссией, нас (меня, юриста Сергей Стасюка и, в первую очередь, конечно, Виктора Сахарова) часто привлекали к подготовке документов, выпускаемых комиссией. Мы постоянно просматривали проекты постановлений, вошли мы в первый экспертный совет соответствующего подкомитета Госдумы (возглавлял его Евгений Викторович Бушмин).

Только не надо думать, что мы считали себя самыми умными. Для нас контакты с людьми, работавшими в комиссии, оказали огромную помощь. И если мы и достигли определенных успехов, то это в большой степени благодаря поддержке и помощи таких людей, как А. С. Колесников, И. И. Бажан, В. Г. Завадников, В. П. Волкова, А. Е. Абрамов, Джонатан Хей, Д. Я. Субботин (именно он в 93 году заваливал ПЦД переводными документами), Ю. В. Чекашкин, а после переезда в Москву, например такие, как И. А. Тырышкин.

Распространяется мнение, что привилегию обслуживать «Газпром» мы получили Указом Президента в 1994 году по большому «блату». А в действительности все было иначе.

Первая проблема у государства появилась, когда оно приняло решение о продаже доли «Газпрома» нерезидентам. На внутреннем рынке акция стоила менее 10 центов.

«Гапрому» для реализации на рынке была оставлена транзитная доля — 9%, разрешенная к продаже нерезидентам. Деньги, вырученные за нее, должны были пойти на строительство газопровода Ямал — Западная Европа. По этому поводу вышел Указ Президента Российской Федерации от 17 сентября 1994 года «О реализации акций Российского акционерного общества «Газпром». В котором говорилось, что «исходя из необходимости ...достижения подлинной рыночной цены на акции РАО «Газпром», Российскому фонду федерального имущества в недельный срок заключить договор с РАО «Газпром» на реализацию в форме биржевых торгов через Владивостокскую международную фондовую биржу».

И вот тогда я приехал в «Газпром» и открыл счет номинального держателя в «Драге» — реестродержателе компании. Заодно мы тогда же консультировали «Газпром» и «Газпромбанк» о том, как создать более эффективно работающую региональную сеть. Банк был тогда еще совсем

маленький и планировал резко продвигаться в регионы. Мы, конечно, для создаваемого ими депозитария предлагали коллегам воспользоваться нашим программным обеспечением. Но они приняли РИНА-Ковскую систему «ДепоNet» с распределенным реестром в реестродержателе «Драга» и кусочками в отделениях «Газпромбанка» на местах. В результате у них вскоре пошли двойные выписки и обнаружились другие ошибки.

Уже первые продажи акций на нашей бирже прошли по цене 5 долларов. Закрытый рынок, как я уже указывал, давал цену 10 центов. Продано было, правда, немного, но биржевой интерес был показан. Первая партия ушла не по 5 долларов, но тоже достаточно дорого.

Собственно, ожидание того, что в правильно построенной системе анонимных биржевых торгов и расчетов цена акции Газпрома должна расти и стало причиной этого доверия.

Несмотря на то, что продажа акций РАО «Газпром» на Владивостокской международной фондовой бирже начнется только в начале декабря, эти ценные бумаги уже фигурируют в биржевых сводках. Вчера на дальневосточной бирже был продан опцион на покупку (опцион call) 400 тыс. акций «Газпрома» по курсу 5 долларов.

Общая сумма сделки с акциями одного из крупнейших российских приватизированных предприятий составила 2 млн долларов, а премия по опциону — 10 центов на акцию. Таким образом, покупатель опциона уплатил за него 40 тыс. долларов. Отметим также, что, по неофициальной информации, опцион купили брокеры фонда «Альфа-капитал»...

В то же время источники, близкие к руководству биржи, считают, что вчерашняя продажа опциона была инициирована руководством «Газпрома» в преддверии презентации этого РАО, которая пройдет в Нью-Йорке 10 ноября. «Газпром» хотел продемонстрировать зарубежным инвесторам фиксированный курс своих акций, которые пока практически не появлялись на вторичном рынке.

Денис Демкин. Продан опцион на акции Газпрома//
Коммерсантъ-Daily (Москва). 09.11.1994

В течение декабря на Владивостокской международной фондовой бирже на продажу было выставлено 17 пакетов акций РАО «Газпром» общим объемом 16, 5 тыс. акций по цене 5 долларов за каждую. Продано 4585 акций и два опциона по 400 тыс. акций каждый. Как сообщили специалисты биржи, покупаются небольшие пакеты акций в основном физическими лицами, крупные иностранные инвесторы пока изучают рынок и не принимают участия в торгах.

Во Владивостоке продано 4,5 тыс. акций «Газпрома»//
Сегодня (Москва). 29.12.1994

Кто на свете всех центрее?

С регуляцией было много непонятого, исторически многие вопросы были под Минфином, первые инструкции по работе с ценными бумагами были выпущены Центробанком, а тут еще и Федеральную комиссию создали.

Тогда же усилиями команды Беллы Ильиничны Златкис был создан свод документов, обязательных для профучастника. Для контроля знаний было введено лицензирование сотрудников финансовых компаний. Хотя бы два-три человека в компании должны были иметь такой аттестат. Кстати, аттестат номер один получил тогда Игорь Костиков. В регионах разрешения на аттестацию имели подразделения Минфина.

В то же время ЦБ пробил себе индульгенцию, освобождающую работников банка и его подразделений от экзаменов.

Исключительное положение, полученное Центробанком, привело к тому, что долгое время сотрудники банков по уровню знания предмета не очень хорошо смотрелись на фоне других участников фондового рынка. Лишь после того, как Дмитрий Валерьевич Васильев возглавил обновленную Комиссию, исключительное положение банковских работников было ликвидировано. Аттестационная комиссия тогда перешла из Минфина в ведение ФКЦБ. Мне кажется, что банки от этого только выиграли.

Эта борьба за центральное место в праве регулировать отражалась отрицательным образом на всех участниках рынка — и банках, и инвестиционных компаниях.

Отразилась она и на таком фетише, как Центральный депозитарий.

Как мне кажется, Указ о создании центрального фонда хранения (или центрального депозитария) придумал Руслан Орехов, чтобы удовлетворить наших зарубежных коллег, настаивающих на этом. Вспомните «Рекомендации Группы 30-ти». Указ в результате вышел, но сразу стал неработающим. Видимо, было решено под него рынок не нагибать. Фактически документ подготовили, чтобы отписаться от буржуев!

И это в тот момент, когда ходили слухи о неограниченных возможностях ПЦД-ДРС?

В России главный вопрос при создании чего-то центрального — это кто будет Этим рулить. Под кого Оно будет работать. Любые попытки выделиться вызывают бешеное сопротивление. Для получения права быть номинальным держателем акций РАО ЕЭС мне понадобилось три месяца. Несмотря на президентский указ! Эмитент не пускал нас всеми силами. А в «ЮКОС» вообще не удалось пробраться (его депозитарий был в «Промрадтехбанке»). Произвол был полный! Разве в этих условиях можно было кому-то отдавать центральный депозитарий?

Наше предложение заключалось в том, чтобы продолжать строить сеть на базе депозитарно-клиринговых организаций в наиболее развитых фондовых центрах, без предоставления кому-либо статуса «центрального». И как логичное продолжение развития проекта по созданию депози-

тарно-клиринговых организаций (ДКК, Питерского и Екатеринбургского РДЦ, Новосибирского РДО и Владивостокского ПЦД) появилось ДРС, задачей которого была организация межрегионального взаимодействия компаний.

ФКЦБ тогда сделала очень много. За полтора года в середине 90-х был написан костяк законодательства для рынка ценных бумаг. Это был огромный успех. Большую роль в ней играл великолепный юрист Альберт Сокин. Ему, в частности, принадлежит по праву роль автора концепции Постановления № 20. Мы с Сахаровым и Стасюком были только шерпами в этой истории. В основу постановления были положены статьи Гражданского кодекса, посвященные «хранению» и фиксации прав собственности на бездокументарные ЦБ. Можно его ругать, но нарушений действующего законодательства там не было. Более того, структура вроде как альтернативного Постановления № 36 та же самая.

Конечно, были и принципиальные отличия. Мы в постановлении ввели видимое отличие ценных бумаг от денег. На наш взгляд, «бумаги пахнут», у них есть корпоративные права на голосование, получение дивидендов. Поэтому мы не создали для них, например, счетов «лоро» и «ностро» (то есть пассивных и активных), а Козлову они казались необходимыми, как и в денежном обращении. Безусловно, не могло понравиться нашим коллегам из ЦБ и то, что лицензирование будет вестись через кого-то. Того, у кого больше капитал, у кого есть депозитарная лицензия. Депозитарий-«попечитель» не мог работать на прямую с реестром, а должен был это делать, через депозитарии-«хранители». Тогда, кстати, в 1996 году через ДРС получили лицензию порядка 150 организаций.

А терминология «хранители», «фиксация прав» — это все из ГК РФ.

Еще один вид депозитария был введен в постановлении — расчетный. В Постановлении № 36 он исчез, но когда это понадобилось ЦБ, появилось письмо (январь 1998 года), согласованное с Комиссией, собственно говорящее именно о расчетном депозитарии. Так был сделан шаг в сторону 20-го постановления со стороны ЦБ, ради освобождения места на ММВБ, занятого ОНЭКСИМ Банком.

В постановлении были введены понятия «документооборот» и «стандарт депозитарной деятельности». В отличие от системы регулирования подведомственных банков ЦБ, когда четко прописываются все правила их работы, вплоть до форм бланков, мы в Постановлении № 20 установили порядок, по которому депозитарии должны были внутренние свои действия описать для себя в виде стандартов и представить их в ФКЦБ. У них были возможности для индивидуальной подгонки под ситуацию, ФКЦБ смотрела, насколько защищены права инвесторов и их действия соответствуют основополагающим правилам.

Очень многие события забылись, но в момент написания этой книги я, конечно, разговаривал, в частности, с Сергеем Стасюком, и он вспомнил, что после выхода 20-го постановления шум поднялся страшный, так что

пришлось даже проводить «примирительную» конференцию. Организатором выступил Анатолий Левенчук. Все проходило в пансионате «Юность». Виктор Сахаров не смог принять в ней участие, поэтому отвечать «за содеянное» пришлось нам с Сергеем. Собственно, даже не нам — на Голгофу вышел выступать Стасюк (а я «агитировал» в кулуарах). И надо сказать, что по итогам выступления Андрей Козлов выразил большое желание продолжить дискуссию отдельно, видимо, многие моменты в 20-м Постановлении ему понравились. Мы тогда даже заслужили несколько ободряющих слов от Альберта Сокина.

ДРС

Так как контакты между нами и нашими партнерами были очень тесные, то мы предложили коллегам перейти на наше проверенное программное обеспечение. Передавали мы его всегда бесплатно. Одновременно с этим было предложено создать некую структуру, отвечающую за бегание по реестрам и занимающуюся межрегиональными расчетами. Без благословления ФКЦБ сделать этого было нельзя. Определенный элемент доверия, конечно, был. Недаром к этому времени мы уже реализовали проект с акциями «Газпрома». Комиссии идея объединения понравилась. Однако давить на рынок она не хотела. В результате четыре региональных РДЦ и иркутяне выступили инициаторами создания Депозитарно-расчетного союза (ДРС). Он был зарегистрирован в Московской регистрационной палате 24 апреля 1996 года. 28 октября 1996 Союз получил лицензию ФКЦБ России на право осуществления депозитарно-хранительской деятельности в качестве депозитарно-расчетного объединения. Тогда же мы начали проводить операции.

Итак, ДРС был создан по инициативе региональных депозитарных организаций (РДО) для обеспечения работы профессиональных участников фондового рынка в рамках единой системы. Все это должно было привести к снижению рисков при проведении операций с ценными бумагами, упрощению процедуры перерегистрации прав собственности и тем самым защитить интересы инвесторов. Объединялись мы для того, чтобы поддержать региональные рынки, начавшие гаснуть с 1996–1997 года. Предприятия там были уже скуплены.

Кроме этого, депозитарное объединение защищало право владельцев ценных бумаг продать их по справедливой цене. Сидит человек в Гусиноозерске на ГЭС, ему предлагают купить его акции РАО ЕЭС по два цента, он возмущается — в Москве они стоят десять, но ехать в столицу далеко и очень дорого, так что за акции в результате больше не получишь. И вынужден продавать. А развитое межрегиональное депозитарное взаимодействие предотвращало такой шантаж. Пришел к брокеру в Иркутске (например), перевел бумаги в депозитарий и дал поручение продать на московском рынке по московской цене. Издержки минимальные.

Мы сразу сделали Союз открытым для всех участников рынка ценных бумаг. Для междепозитарных связей мы внутри него использовали международные стандарты (ISO/SWIFT), уже опробованные в ПЦД.

ДРС в результате объединил Москву, Санкт-Петербург, Екатеринбург, Иркутск, Красноярск, Липецк, Нижнего Новгород, Новосибирск, Приморье, Самару, Челябинск, Якутию и Татарстан. В депозитарии ДРС было сразу открыто 28 счетов. Он обслуживал Российский фонд федерального имущества, являлся уполномоченным депозитарием Комитета по муниципальным займам Москвы и Московской фондовой биржи. В соответствии с постановлением правительства России ДРС был депозитарием-хранителем по акциям РАО «Газпром».

ДКК, планировавшее присоединиться к ДРС (конец 1995 — начало 1996 года), этот момент всячески оттягивало, несмотря на то, что лицензирование они прошли только благодаря использованию документооборота ДРС. Имевшиеся у ДКК на тот момент технологии и собственные стандарты деятельности не соответствовали требованиям Комиссии (ни 20 постановлению, ни позже 36-му). Очевидно, московским брокерам тогда еще невыгодно было работать через депозитарий, слишком доходна была внебиржевая торговля. Да и прозрачный рынок им тогда был не нужен. Западникам тоже была выгодна старая система, они могли своим клиентам-нерезидентам объяснять: как у нас все плохо организовано, как трудно здесь из-за этого работать, какие риски и пр. И брать при этом непомерные комиссионные со своих коллег. Альтернативы тогда им на Западе не видели.

Дмитрий Валерьевич Васильев, я думаю, во многом шел на поддержку создания ДРС, чтобы стимулировать работу брокеров через депозитарии, в том числе и ДКК. Это была некая провокация, демонстрировалась опасность появления конкурента, тем более с провинциальными корнями. И сразу началось движение. Мне кажется, что только в середине 1997 года ДКК провела первые депозитарные операции. Я имею в виду, реальные операции, а не «показательные выступления». В январе 1997 года был создан Национальный депозитарный центр.

Депозитарно-клиринговая компания (ДКК) и Национально-депозитарный центр (НДЦ), обслуживающий ММВБ, заявили об объединении усилий для создания единой системы депозитарного обслуживания на рынке государственных и корпоративных ценных бумаг. Обе компании относятся к числу лидеров в своей отрасли и сотрудничают уже около года, однако объявить об этом они решили именно сейчас. Правда, от прямых комментариев руководители депозитариев уклонились. Но можно предположить, что этот шаг — своеобразный ответ на усиление позиций Депозитарно-расчетного союза.

Светлана Локоткова. Консолидация депозитариев//
Эксперт (Москва). 16.06.1997

В Москву, в Москву, в Москву...

В то время приходилось много времени проводить в Москве. Прилетая сюда иногда по 4 раза в месяц. В конце концов в гостинице «Будапешт» мы сняли большой номер, выполнявший одновременно роли рабочего офиса и жилья.

В 1995 году в Москву окончательно забрали Виктора Сахарова на должность советника Комиссии (с должностью могу ошибаться, не суть). ВМФБ возглавил Малютин Андрей Николаевич, замечательный человек с разносторонними интересами. Те, кто не помнят его по тем временам, могли видеть его в репортажах о пребывании в Приморском крае Президента страны — В. В. Путина. Андрей в настоящий момент возглавляет Дальневосточный морской заповедник и прилагает огромные усилия по его сохранению.

А в 1996 году в Москву, после регистрации ДРС, приехали еще семь человек, включая нашу блестящую техническую группу из пяти человек. Собственно, приехали мы на 6–8 месяцев, для того чтобы запустить ДРС технически, подготовить персонал и вернуться к морю. Квартиры там не продавали, это случилось много позже.

Проект расширялся, после ДРС естественным порядком была создана Московская фондовая биржа (МФБ) с действительно анонимной торговлей. В регионах ее создание было воспринято с большим воодушевлением. Не случайно не менее 60% учредителей биржи были немосковскими брокерами.

Все делалось очень быстро. В феврале прошло учредительное собрание, а уже в апреле были организованы первые торги, обслуживаемые депозитарным подразделением ДРС. Потом уже в течение месяца был создан торговый отдел и на самой бирже.

В лучшее время в 1997 и 1998 годах до дефолта на бирже работали до 450 брокерских компаний и банков.

Тогда-то и вышел указ, прописывающий правила торговли акциями «Газпрома», и вышло постановление, указывающее, что все депозитарное хранение и расчеты должны идти через ДРС.

Дальнейшее наше развитие связано с ростом рынка в целом. В то время медленно, но верно входил в работу Национальный депозитарный центр. Его преимуществом было то, что он базировался на межрегиональной структуре ММВБ, поэтому потенциальными клиентами НДЦ было большое количество банков. Обслуживанием расчетов ММВБ первые полтора года занимался депозитарий ОНЭКСИМ Банка, безусловно, имевший в то время лучшую команду. Не случайно, даже после того как они были вытеснены с ММВБ, многие банки и брокеры продолжали у них хранить свои бумаги. Расценки там были заметно выше, чем у конкурентов, но и уровень обслуживания тоже выше.

Так вот в 1997–98 годах мы тоже планировали совместное обслуживание расчетов по торгам на МФБ с ОНЭКСИМ Банком. Шесть месяцев мы за-

нимались этим проектом, состыковали наши технологические системы. До начала совместных торгов оставалось только две недели. Что-то или кто-то помешал их провести...

Пятого февраля на пресс-конференции руководители Депозитрано-расчетного союза Виктор Сахаров и депозитария ОНЭКСИМ Банка Михаил Алексеев рассказали журналистам о совместном проекте, позволяющем взаимодействовать биржевому депозитарию и крупному банку.

Г-н Алексеев со своей стороны отметил ... в октябре прошлого года мы заявили о намерениях установить профессиональные отношения с ДРС, которые позволили бы нам, не являясь расчетным депозитарием на МФБ, дать нашим клиентам возможность участвовать в торгах на Московской фондовой бирже. Эта схема позволит нам как депозитарию сохранить весь бизнес по ценным бумагам, не входя ни в какие противоречия с новыми требованиями регулирующих органов по разделению депозитарной деятельности. Всем участникам рынка это тоже будет выгодно, так как механизм взаимодействия, который предлагаем мы, существенно эффективнее, надежнее и на порядок дешевле других.

Ко всему вышесказанному г-н Сахаров добавил, что они сами (МФБ и РДС) этим процессом очень довольны. Такое взаимодействие даст возможность вывести на биржу новое число эмитентов. МФБ собирается значительно увеличить перечень ценных бумаг, которые будут участвовать в торгах.

Работа над проектом была трудной, не лишенной противоречий, но все-таки за короткий срок (4 месяца) решены огромная масса проблем и уникальная в России задача — организовано взаимодействие биржевого депозитария и крупного банка. Впервые построили корреспондентские отношения между депозитариями, отладили систему защищенной связи по передаче информации от депозитария на другой расчетный депозитарий, т. е. на биржу. Согласовали протоколы взаимодействия.

*Елена Шорохова. Московская фондовая биржа//
Деловой Экспресс (Москва). 10.02.1998*

Вполне определенно можно говорить о том, что новый партнер депозитария ОНЭКСИМ Банка ничем не уступает ММВБ.

Московская фондовая биржа обладает практически монопольными правами на организацию вторичных торгов акциями РАО «Газпром». Она считается (и не без основания) одним из любимых детищ Юрия Лужкова и пользуется поддержкой Федеральной комиссии по рынку ценных бумаг. В перспективе это одна из крупнейших торговых площадок России. ... Как заявил глава Московской фондовой биржи Виктор Сахаров, руководители МФБ и депозитария достигли принципиальной договоренности о расширении списка торгуемых на МФБ акций за счет бумаг, находящихся на хранении в депозитарии ОНЭКСИМ Банка (свыше

Ю. К. Юдин

400 наименований). По словам председателя МФБ, сейчас депозитарию ОНЭКСИМ Банка предложено войти в число учредителей ДРС.

Партнеры также говорили о возможности подключения к расчетной системе ДРС и других депозитариев. Например, Виктор Сахаров сообщил, что уже практически достигнута договоренность о заключении корреспондентских отношений с депозитарием НИКОЙЛа.

Александр Семенов. У ОНЭКСИМ Банка новый друг // Коммерсантъ (Москва). 06.02.1998

За первые полгода работы мы смогли поднять цену на акции «Газпрома» — с 20 центов до 1,5 долларов. И парадоксально, но факт, торговля ими не была для нас экономически выгодной — она не окупалась, зарабатывали мы на внебиржевых расчетах. И еще один факт: «Газпромбанк» должен был бумаги по указу перевести в ДРС, но он этого не сделал. Когда я хотел поставить условие: подписываю договор об обслуживании акций только в случае выполнения требований Постановления перевода к нам, в результате договор подписал Сахаров. Для того чтобы не нарушать указ, придумали выход — в указе был пункт, что хранить бумаги можно в ДРС или у его членов, вот и приняли банк в члены ДРС. Но в результате мы вынуждены были вести торги с двух счетов, а брокеры должны были соответственно открывать два счета. Один в «Газпромбанке», где лежали бумаги, другой у нас. Мы же по этим бумагам выполняли функции клиринговой организации, и у нас проходил сложный процесс расчета.

Потом произошел развод с «Газпромом». Мы с Максим Павловичем Карпенко президентом биржи после Сахарова все-таки, может быть не очень удачно, предложили сосредоточить всю торговлю их акциями на МФБ, с регистрацией в ДРС. Тогда бы удалось понизить себестоимость торгов. До этого плату брали за продажу каждой акции, в случае принятия нашего предложения, брать плату должны были только с нетто-оборота.

МФБ получила в 1998 году кредит на год в 1 млн долларов от Банка Москвы на развитие биржевой деятельности. После кризиса обороты торгов резко снизились, и у биржи появились финансовые проблемы. В 1999 году кредит был пролонгирован. Сейчас МФБ с учетом процентов должна Банку Москвы 1,45 млн долларов.

Николай Мазурин. НФА просит проверить МФБ// Ведомости (Москва). 02.03.2001

К этому времени РТС проиграл конкурентную борьбу ММВБ, опоздав с введением системы «поставка против платежа» и рублевой торговли с преддепонированием денег и бумаг.

До конца 1997 года вопрос о расчетном депозитарии РТС решен не был. Во всяком случае, в конце года был объявлен некий конкурс между ДКК и ДРС. В РТС этим вопросом занимался Александр Агеев (ранее они с Галиной Аксеновой в качестве консультантов работали в комиссии, пытались внедрить на российском рынке «гарантию подписи» и даже написали замечательную книгу о депозитарной деятельности, но, к сожалению, так и не издали, но у меня сохранился один вариант «рукописи»). Вопрос решал биржевой совет РТС, который предпочел ДКК. Александр тогда позвонил мне и признался: «Да, конечно, у вас все лучше, но ДКК все-таки своя компания для крупных брокеров! А вы какие-то непонятные».

В 1999 году я благодаря Михаилу Лелявскому пару месяцев проработал в ДКК. Михаил предложил рассмотреть вопрос об объединении наших компаний, а мне стать первым вице-президентом. С этим предложением он пришел в комиссию, и Александр Степанович Колесников предложил мне согласиться и посмотреть, что из этого получится. Я дал согласие. Работать было очень сложно. За короткое время стало понятно, что реальной цели объединения не было, а действительная цель была в очередной раз напугать брокеров страшными Сахаровым и Юдиным. Поэтому я выбрал совершенно нейтральное направление деятельности — организацию работы коллегиального органа управления — Исполнительной дирекции (он фигурировал в Уставе ДКК, и как я обнаружил, никогда не создавался). Работает она до сих пор. Михаил Лелявский радостно доложил ИФС (их длительное время заманивали в учредители ДКК), что в компании теперь суперпрозрачность в принятии решений и управлении. Выдержав всего два месяца, я тихо ушел. Даже огромное уважение к Александру Степановичу Колесникову не заставило меня вернуться. А о ситуации в ДКК я, конечно, доложил в ФКЦБ. Главной проблемой была бесхозность ряда пакетов ДКК и возможность консолидации в одних руках блокирующего пакета. Мне, видимо, не поверили. А через год все это всплыло как факт.

Большой толчок развитию ММВБ дало появление на российском рынке в 1998 году интернет-трейдинга. Наиболее активными при этом стали несколько компаний. В первую очередь: «Алор-инвест» (Анатолий Гавриленков), «Открытие» и, кажется, «Финансаналитик». Они обратились ко мне с просьбой включиться в обслуживание их торгов на ММВБ в качестве «держателя» (термин из документов биржи). Мне показалось это интересным, и я взялся за работу. Причем, если верить в слухи о нетерпимости ФКЦБ к конкурентам и полной зависимости ДРС от комиссии, меня сразу бы одернули: «Зачем ты обслуживаешь структуру ЦБ? Это наш конкурент!».

Наше предложение о-о-очень долго рассматривалось биржевым советом ММВБ, и только настоятельные требования брокеров привели к положи-

тельному решению. Это были первые шаги интернет-брокерства. Все технологические трудности, связанные с расчетами по ЦБ, пришлось тогда решать нам. Но следует отметить мудрость руководства ММВБ, не побоявшегося отдать подряд на запуск этого направления своему явному конкуренту — ДРС.

Вскоре у наших брокеров появилось множество клиентов, желающих самостоятельно заниматься торговлей. Через них стали проходить огромные объемы сделок. В то время все крупные интернет-брокеры работали через нас. Кроме, пожалуй, «Гута-банка».

Значительно позже они стали получать депозитарные лицензии и работать самостоятельно, мы были, конечно, рады за эти компании, но терять клиентов, на которых потрачено столько сил, было обидно.

Кстати, все эти наработки я предложил реализовать и ДКК (когда работал у них). Как раз в это время появился мост между ДКК и НДЦ. Передал наработанные в ДРС документы. И действительно, ДКК включилось в расчеты на ММВБ в качестве держателя для ряда крупных брокеров. Благодаря этому было время, когда более половины объема торгов на ММВБ делали клиенты двух держателей — ДРС и ДКК. Но это, конечно, не умаляет успеха ММВБ.

Региональные партнеры мои к тому времени сильно просели. Возможности принимать новых членов в ДРС у меня были ограничены — компания не могла развиваться. Однако в 2000 году мне удалось привлечь несколько крупных брокеров и РТС в члены ДРС. Была сделана попытка реанимировать торги на МФБ. Но по разным политическим причинам это сделать не удалось.

Попытку использовать ресурс ДРС сделал Иван Тырышкин, став президентом РТС. У нас был серьезный проект — мы сделали шлюз к клиринговому центру РТС, вроде как «держатель» на ММВБ. Начали разрабатывать проект организации рублевых торгов и должны были подключить еще оставшихся в ДРС интернет-брокеров (примерно 30–40). Для этого торги следовало сделать столь же демократичными, как на ММВБ с «поставкой против платежа». Но... вы удивитесь, в этот момент проект не поддержал Совет директоров ДРС. Представители крупных брокеров задали мне вопрос: «А как же ДКК?»

Вопрос тем более удивителен, что голоса, влияющие на деятельность РТС, ДКК и ДРС, одни и те же.

Сейчас мы продолжаем совершенствовать технологию.

Свою роль ДРС, безусловно, выполнил. Мы реализовали ряд крупных государственных задач. В частности, разработали и реализовали модель организации торговли госпакетами акций в Приморье (сейчас такая возможность предусмотрена даже «Законом о приватизации», мне довелось участвовать в разработке соответствующего Постановления правительства, (участие принимал от имени РТС), вывели акции «Газпрома» на реальные торги, участвовал в формализации депозитарной деятельности и проработке многих регулирующих документов.

Ю. К. Юдин

И еще один момент, который хотелось бы подчеркнуть. Как мне кажется, усилия ФСФР по созданию Центрального депозитария окончательно возвращают нашу депозитарную деятельность к Постановлению ФКЦБ России № 20, т. е. функциональная схема взаимодействия субъектов депозитарной деятельности — центрального депозитария, расчетных депозитариев, депозитариев и попечителей полностью ему соответствует.

Только связь с Гражданским Кодексом размыта.

В то время, с начала 1990-х и до конца прошлого века (пафосно!!!) в нашей работе встречалось огромное количество интересных и талантливых людей. И я всем благодарен за сотрудничество — друзьям и оппонентам, «врагам», сочувствующим, хотелось сказать обо всех, извините.